

Системный мир сознания

Калмыков Р.Б.

Ravil8@yandex.ru

Необходимость серьезной научно-технической модернизации экономики сегодня стала очевидной для многих на самых разных уровнях организации нашего общества. Президент страны поставил модернизацию в ряд приоритетных государственных задач. Решение этой задачи с очевидностью предполагает активизацию ряда тесно сопряженных с экономикой сфер жизни общества. В том числе во всей актуальности встает проблема научно-методологического обеспечения предстоящего технического и технологического прорыва.

Особенностью нынешней эпохи является бурное развитие сложной техники, изощренных технологий, мощных высокоскоростных электронных устройств, интерфейса человек-компьютер и соответствующего программного обеспечения. Не будет преувеличением сказать, что это ставит общество перед лицом новой специфической мировоззренческой ситуации. В таких условиях именно философия, как наука, призванная работать на наиболее высоком уровне обобщенного знания, с очевидностью обязана взять на себя миссию по формированию в обществе здоровой мировоззренческой ориентации и настройке его на требуемый временем лад. В связи с этим философии предстоит серьезно активизировать свои усилия, причем не только непосредственно в сфере философии науки и техники, не только в сфере проблематики искусственного интеллекта. Речь должна идти о большем: о необходимости приведения методологии философских исследований в соответствие с требованиями «продвинутой» высокотехнологичной эпохи, о необходимости повышения общего уровня научной формализации исследований.

Не секрет, что подавляющая масса современных философских исследований до сих пор осуществляется на чрезвычайно низком уровне формализации, обходится минимумом структурных схем, логических обоснований и практически совсем без математического аппарата и математической обработки. Иначе как архаизмом такую ситуацию признавать нельзя. И такой уровень развития философских исследований не будет преувеличением охарактеризовать как донаучный. Думается, в отмеченной методологической отсталости отчасти кроется и печальный факт весьма значительного падения авторитета философии в нашем обществе. Обществом на практике фиксируется беспомощность и бесполезность философии в ее нынешнем архаичном виде.

Надо признать, философия переживает сложные времена не только у нас. На Западе на излете масштабной эпохи увлечения эмпирической методологией философия идет по пути накопления багажа знания в виде множества микрооткрытий, делаемых на острие пера в процессе взаимных критических выступлений адептов ряда конкурирующих школ. В это время в отечественной философии имеет место явно затянувшийся период методологического застоя. Отсутствие сколько-нибудь четких методологических ориентиров остро ощущалось, в частности, на последних общероссийских философских конгрессах. О многом говорит также отсутствие сколько-нибудь масштабных и значимых дискуссий. Их место заполнили многочисленные, бесконечные и зачастую бессодержательные дискурсы. И все это творится в стране с целой армией из нескольких тысяч профессиональных философов!

Злые языки утверждают, что дружная плеяда «шестидесятников», исчерпавшая свой творческий потенциал лет тридцать назад, сегодня устойчиво занимает лидирующие позиции в философском ареопаге страны и, судя по всему, не собирается никого больше допускать до своего бюрократического Олимпа. Как бы там ни было на самом деле, по

всем признакам наблюдается отсутствие сколько-нибудь заметных здоровых подвижек в отмеченной застойной ситуации.

В качестве показателя методологического нездоровья можно привести хотя бы тот факт, что, несмотря на предшествовавшую длительную и всеохватную материалистическую традицию у нас отсутствует сколько-нибудь четкое и обоснованное критическое отношение к нездоровому эмпирико-критическому методологическому крену в развитии современной физики. Критические выступления против «махизма» в методологии физики 20-х и 30-х годов не нашли, к сожалению, впоследствии своего продолжения, философы в своей массе фактически самоустранились от решения этой проблемы, поэтому сегодня махизм является, по сути дела, официальной религией теоретической физики.

Этот факт, к сожалению, имеет свое досадное чисто «бытовое» объяснение: гуманитариям, составляющим подавляющее большинство нашей философской братии, математика, физика и прочие точные естественные науки явно не по зубам, для них это просто «китайская грамота», поэтому они не могут принимать полноценного участия в серьезном обсуждении методологических вопросов в науках с высоким уровнем формализации исследований. В итоге физика, техника и технология у нас остаются вне ориентирующего и корректирующего присмотра философов и обречены анархично дрейфовать в отсутствии четкой и понятной методологической навигации.

Автор считает сложившуюся ситуацию не отвечающей вызовам эпохи и не обеспечивающей достойного высокого звания философии. Очевидно, следует принципиально менять стратегию развития отечественной философии, избрать курс на достижение высокой степени формализации современных философских исследований, превратить философию из заузного подспорья рафинированных эстетов в серьезную науку со строгим методологическим аппаратом. Это, без сомнения, потребует радикальной переориентации в системе приоритетов и серьезной модернизации в деле подготовки философских кадров. Следует четко уяснить, что наука сегодня остро нуждается именно в философах, способных работать с высоко формализованным философским знанием. Грубо говоря, вопиющим вызовом эпохи является решительное переключение спроса в философии с «лириков» на «физиков».

Насколько запущенной является у нас ситуация с уровнем формализации философского знания и соответствующим отставанием философских решений от вызовов эпохи, автор предлагает оценить на примере анализа общепринятых сегодня трактовок такого ключевого понятия как «сознание». Обнаруживается, что современные определения сознания предстают в виде длинного бессвязного набора частных мнений и отдельных характеристик, выданных философскими авторитетами разных эпох и школ. Надо отметить, это вообще характерная черта эпохи постмодернизма: вместо цельного представления о том или ином аспекте реальности по любому поводу довлеет установка на примитивное перечисление, в той или иной степени полное или тенденциозное, всех предоставляемых эмпирическим наблюдением разнообразных его качеств. Поистине эпоха апофеоза эмпиризма и угнетения теоретического (спекулятивного) знания.

В качестве образца такого перечисления можно привести определение **сознания** в Новой философской энциклопедии [1]. Характерно, что его автор, В.А. Лекторский, без каких-либо изменений повторил здесь свое же определение из раннего издания этой энциклопедии десятилетней давности. Складывается впечатление, что некоторым авторам энциклопедии давно уже все ясно в этом мире и философии, так что вовсе не требуется что-либо модифицировать в своих представлениях. В их среде, похоже, царит атмосфера

безмятежной успокоенности и самоуверенности, поэтому не имеет смысла даже задавать какие-либо вопросы о модернизации и методологическом прогрессе.

Переключалось в новое издание и обескураживающее стремление автора нивелировать зависимость сознания от свойств организма-носителя, деонтологизировать (термин С.Л.Рубинштейна) сознание, оторвать его от индивидуума, на субстрате мозга которого оно существует и функционирует.

«Специфически человеческое сознание и Я как его центр определяются не биологией человека», - пишет В.А. Лекторский. И продолжает: «Единство сознания определяется не биологией, не особенностями работы мозга (наличием в нем некоторых «центральных инстанций»)»...» [Там же].

Посредством малоубедительной аргументации автор провозглашает единство сознания исключительно его собственным специфическим атрибутом, зависимым лишь от общественной истории и культуры, в полном отрыве от единства организма его обладателя. Надо отметить, что стремление откеститься от всякого влияния физического и биологического начал на сознание и мотивацию человека и свести все к социо-историко-культурному началу характерно не для одного В.А.Лекторского. Оно сегодня, к сожалению, является общим местом практически для всего отечественного философского ареопага.

Чтобы понять истоки этой укоренившейся на нашем философском Олимпе удручающей позиции, следует сделать небольшой исторический экскурс. Так сложилось, что в нашей стране масштабный исторический период увлечения эмпиризмом, сыгравший столь значительную роль в развитии западной философии, был по большому счету...пропущен. Вождь В.И. Ленин в начале XX века огульно приравнял эмпириокритицизм к субъективному идеализму [2], и тем самым тема эмпирического направления в советской философии была закрыта. Туда же, к пресловутому идеализму, верные продолжатели дела Ленина заодно причислили учения Шопенгауэра, Ницше, Бергсона, Фрейд, Гуссерля и Витгенштейна, а затем позитивизм и прагматизм. Этого требовала односложная схема противостояния материализма и идеализма в рамках коммунистической догмы. В результате весьма значительный фрагмент философской истории цивилизации прошел незамеченным мимо очей отечественной философской мысли. Поэтому даже идеологически нейтральная творческая часть отечественной философии вынуждена была развиваться на искусственно ограниченном исследовательском поле и в итоге так и осталась в методологическом плане фактически на уровне и позициях классической философии двухсотлетней давности с ее гипертрофированной оценкой роли сознания в жизни человеческого организма, с тенденцией прямого противопоставления сознания материи, с ее индивидофобией в трактовке субъекта действия, сознания и познания (выражающейся в непримиримой борьбе с «робинзонадами»), когда в противовес «индивидуализму» автоматически гипертрофируется общественно-исторический характер деятельности и познания. Наблюдаемое отсутствие динамичного развития обеспечивает дальнейшее сохранение этого «заповедника» неоклассической философии в «высших эшелонах» в наши дни. В этом не было бы ничего плохого, если бы этот заповедный дух не способствовал стагнации всей остальной отечественной философии.

Сознание, нельзя не признать, стремится держать под постоянным наблюдением-сопровождением поведение человека. Это вездесущее сопровождение некоторые философы склонны незаслуженно расценивать как полновластный контроль. Например, Сократ и Ж.-П.Сартр наивно считали сознание ответственным за все, что происходит с человеком. Однако здесь необходимо более трезво оценивать ситуацию, как это, например, делал З.Фрейд, который обратил наше внимание на тот факт, что сознание

является частью более широкого свойства человека – *психики*. Психика, в свою очередь, делит контроль над поведением человека с его *физиологией*. Таким образом, частное бытие человека на деле контролируется целым рядом внутренних факторов, и реальные поведенческие акты складываются из воздействия их сложного итогового соотношения. Чего действительно нельзя недооценивать, так это поистине штурманского стремления сознания «прокладывать курс» в сложных условиях противоборства и компромисса между всеми этими факторами, дипломатического поиска вариантов примирения их специфических мотивов и адвокатского рвения в отыскании для них разумных оправданий.

Классическая философия, надо отдать ей должное, пережила в свое время масштабный период борьбы детерминизма с телеологией. Философский мир тогда разделился на два могучих лагеря. Известные сторонники строгой теоретической линии указывали на невозможность возникновения каких-либо особых «внутренних целей» и побудительных причин в локальных материальных образованиях в рамках теории детерминизма того времени. Не менее знаменитые сторонники прагматической линии, сплошь и рядом наблюдая воочию очевидные свидетельства существования этих самых целей и причин в живых организмах и человеке, делали отчаянные попытки «вписать» их в рамки философской теории. Однако проблему в те времена решить, к сожалению, так и не удалось. Классический детерминизм устоял, телеология потерпела поражение.

Дискуссия вспыхнула с новой силой в XX веке в связи с увлечением общественного сознания кибернетикой. Необходимость адекватного описания работы автоматов, принципа «обратной связи» в технике требовала пересмотра устоявшейся философской догмы. Эта дискуссия захватила и нашу страну. В среде научной общественности вновь начала пробивать дорогу прагматическая линия в этом вопросе. В частности, замечательный советский математик А. Н. Колмогоров в 1959 г. подчеркивал, что развитие кибернетики дает новый материал для философского анализа понятия «целесообразность» в применении к машинам и живым системам [3]. Прагматическую линию в развернувшейся дискуссии, помимо математиков, кибернетиков, физиологов и психологов поддержал ряд известных философов, наиболее значительный вклад из которых внес Украинцев Б.С., опубликовавший на эту тему серию значимых работ [4,5,6,7,8]. Противостоящее им теоретико-догматическое крыло представлял, в частности, редактор журнала «Вопросы философии» И.Т.Фролов [9], который, рассматривая проблему применительно к человеку, писал: «распространение этого принципа [целесообразности] за сферу сознания ни к чему, кроме телеологии, привести не может» [10]. А телеология была для строгих детерминистов сродни ереси или ругательству. Исходя из классической традиции, И.Т.Фролов связывал целесообразность исключительно с сознанием и мышлением и исключал существование связи направленности процессов в живых системах с понятием внутренней цели. «Неприкаянность» же сознания в неоклассическом представлении, его деонтологизированность, оторванность от глубоких философских оснований позволяла «валить» на него, как на «крайнего стрелочника», все непонятное, что было в философии, без опасения быть обвиненными в пристрастиях к телеологии или чему-либо еще. Фактически представления о внутренних целях были приравнены к произвольным, ни с чем в реальности не соотнесенным «выкрутасам» лукавого мышления.

Поскольку и в те годы так и не было предложено варианта теории детерминизма, предусматривающего существование локальных, внутренних причин и целей, для материалистов предусматривалось лишь односложное решение данной проблемы: детерминизм или смерть! В итоге вновь возобладала установка на выбрасывание за борт всего похожего на телеологию с ее внутренними локальными целями. Вместе с этим, к

печали прагматиков, так и не удалось достичь адекватного описания и объяснения принципа работы автоматов и организмов. Вопрос остался открытым.

Любопытно, что в своей работе тридцатилетней давности [11] В.А. Лекторский идентифицировал сознающего и познающего субъекта как «природное существо, включенное в объективную реальность». Более того, он охарактеризовал субъекта и объект как «расчленения действительности», «материальные системы со связью», что можно расценить как некоторую дань прагматизму. Однако вопрос о причинном и онтологическом статусе «расчленения», «природного существа» и «материальной системы» так с тех пор и остался не раскрыт. В итоге эти находки раннего периода творчества, похоже, пали в яростной битве старого детерминизма с телеологией и сегодня В.А. Лекторским не акцентируются.

Впрочем, попытаемся быть объективными: позицию И.Т. Фролова и иже с ним в их времена можно понять и отчасти оправдать. Её можно трактовать как достойное уважения стремление строго придерживаться теоретических принципов.

К сожалению, этого никак нельзя сказать о позиции В.А. Лекторского и К°, которые продолжают настаивать на догматической линии, не взирая на то, что сегодня в нашем распоряжении уже имеется давно искомый философской мыслью **модернизированный вариант детерминизма**, союзный с телеологией и рационально обосновывающий существование **локальных детерминирующих центров** и внутренних целей в недрах автоматов и организмов, в том числе и человека. Вот уже восемнадцать лет автор данных строк безуспешно пытается всеми доступными средствами привлечь внимание ведомой этими ретроградами философской общественности к **синтезирующему реализму** [12], учению, базирующемуся на полноценном разрешении телеологической проблемы и ориентирующемуся на синтез разнородного конструктивного философского знания. Все эти годы бессменно возглавляемый В.А. Лекторским ведущий философский журнал страны «Вопросы философии» снобистски и цинично игнорирует и факт успешного разрешения важной философской проблемы, и само учение как таковое.

Когда-нибудь, надеемся, станет достоянием гласности реальная история противоборства кланов и группировок в советской и российской философии XX века. Наблюдаемым же фактом сегодняшнего дня является печальная констатация: вместо двух некогда живых противоборствовавших традиций в ней осталась одна – теоретико-догматическая с большой склонностью к стагнации. Достойно сожаления, что в итоге досадных перипетий оказались утрачены серьезное и значительное современное фундаментальное направление в отечественной философии, дух дискуссии и развития.

Ситуация усугубляется еще и тем, что фиксируемая ныне тенденция к гипертрофированию в философских исследованиях социо-культурно-исторического начала и нивелированию физического и биологического начал являет собой еще и итог «сокрушительной победы» партии «гуманитариев» над партией «естественников» на Олимпе отечественной философии. В итоге этой «победы» оборвались или оказались «задвинуты» далеко на периферию исследовательского поля чрезвычайно значимые традиции в нашей философии науки. В частности, так получилось, что знаменитая на весь мир философско-методологическая традиция русской школы исследования *поведения*, или *объективной психологии*, основы которой были заложены И.М. Сеченовым, И.П. Павловым, В.М. Бехтеревым, А.А. Ухтомским сегодня толком не имеет достойного продолжения.

Идеи И.М. Сеченова о непрерывном циклическом управлении поведением организма в среде посредством *рефлекторного кольца*, о значимости центрального *торможения* и

интериоризации как свидетельств обладания организмом особой внутренней силой сопротивления внешним раздражителям, способностью противостоять им и следовать собственной внутренней программе, нашли затем развитие в дополняющей традиционное учение о рефлексах концепции И.П. Павлова о *рефлексе цели*, как основной форме жизненной энергии каждого организма. Актуализация рефлекса цели являла собой попытку дополнить детерминистскую схему анализа поведения посредством включения в нее принципа мотивационной активности.

Данная философско-методологическая традиция была подхвачена в советский период знаменитыми психологами и психофизиологами С.Л. Рубинштейном, П.К. Анохиным и Н.А. Бернштейном.

В центре интересов С.Л. Рубинштейна выступали проблемы детерминации психических явлений, в связи с чем он разработал новую концепцию объяснения детерминации, направленную против механистических взглядов. Согласно этой концепции, внешние причины воздействуют на объект посредством внутренних условий, которые в свою очередь формируются в процессе взаимодействия человека с миром. В связи с этим им была предложена отличная от общепринятой в те времена трактовка субъекта как **человека**, проявляющего себя на высшем уровне активности, целостности и автономности. Он категорически выступал против практикуемых у нас доньше «деонтологизации» человека и отрыва от него его сознания. Его учение явилось, по сути дела, реакцией на нивелирование отечественной философией роли природного естества человека. В рамках его антропологической философской концепции был разработан принцип единства воздействия и изучения, согласно которому психология раскрывает свои тайны в процессе преобразования исследуемых объектов посредством практических действий [13]. Надо ли говорить, что отечественная философия постаралась поскорее затереть и забыть это учение.

В 1935 г. П. К. Анохин на основе анализа физиологических механизмов компенсации нарушенных функций сформулировал *принцип обратной афферентации* и показал его роль в поведении животного, направленном на достижение приспособительного, полезного для организма результата [14]. Обратная афферентация дает возможность оценить степень успеха выполняемого действия с тем, что организму необходимо. Принцип обратной афферентации позволяет объяснить целеполагающую деятельность в функционировании организма. Впоследствии в мировой науке обобщенный для всех самоуправляемых систем принцип контроля результатов осуществленного действия был обозначен заимствованным из техники термином «обратная связь» [См.8].

П. К. Анохин подчеркивал аксиологический аспект биологического функционирования, существование обязательной оценки биологической полезности любой реакции, каждого приспособительного акта живой системы: «*Всякая функциональная система, механическая и живая, созданная или развившаяся на получение полезного эффекта, непременно имеет циклический характер и не может существовать, если не получает обратной сигнализации о степени полезности произведенного эффекта*» [15]. По существу конечный полезный эффект выступает у него внутренней целью процесса самоуправления. Разработанная им теория функциональных систем получила заслуженное признание в отечественной и мировой психологической науке.

Н. А. Бернштейн подхватил сеченовскую идею «рефлекторного кольца» и разработал концепцию физиологии активности, в которой исследовал проблему саморегуляции "живого движения" и уровней его построения. По его убеждению, обнаружение возможности построения и комбинирования организмом материальных кодов,

отображающих все бесчисленные формы активности и экстраполяции предстоящего, позволяет говорить о целенаправленности действий любого организма [16].

Бернштейн существенно развил представления о **саморегуляции**, добавив к таким актуализировавшимся ранее формам ее осуществления, как рефлекторная дуга, рефлекторное кольцо и гомеостазис, *внутреннее стремление к достижению желаемого результата*.

К сожалению, эта некогда авторитетная философско-методологическая традиция ныне практически прекратила свое существование. Печальный факт общего поражения естественников и «победы» гуманитариев дорого в целом обошелся отечественной философии. Его следует с очевидностью расценивать как наименее полезный и весьма проблемный в свете предстоящей научно-технической модернизации.

Упомянутая выше Новая философская энциклопедия 2010 года издания вполне характерно отражает сложившуюся на сегодня в отечественной философии ситуацию тупиковой стагнации. В частности, здесь вообще нет определений *самоорганизующейся системы, активности, аутопоэза*.

Статьи, посвященные *автономности* (Ю.В.Сачков), *самоопределению* (А.П.Огурцов) и *субъекту* (В.А.Лекторский) даны вне всякой связи с телеологической проблемой, попытками ее решения и преодоления, без упоминания зарубежных и отечественных исследований на эту тему. Авторы нимало не заботит при этом, что в рамках подразумеваемого ими традиционного детерминизма ни автономность, ни самоопределение, ни частный субъект какого-либо локального действия (в том числе и познавательного) в принципе невозможны.

В очень куцых статьях о *самодвижении* (Ю.М. Сердюков) и *самоорганизации* (Б.Г.Юдин) нет упоминаний об ученых, внесших действительно значимый вклад в исследование этих проблемных вопросов: М. Бунге, Украинцеве Б.С., Губанове Н.И., Петрушенко Л.А., Чусовитине А.Г. и др.

Определение *свободы* (Р.Г.Апресян) дано сугубо с упором на нравственный аспект жизни человека, тоже вне всякой связи с телеологией. Вся остальная огромная сфера актуального приложения этого важнейшего понятия, в том числе технически-прикладная сторона вопроса (понятие «степеней свободы» в механизмах) оказалась просто проигнорирована. *Субъективное* (В.А.Лекторский) трактуется совершенно в классическом духе, как некое специфическое свойство сознания, на которое, как мы уже выше констатировали, наши философские аксакалы любят валить все неразрешенные проблемы.

В целом можно оценить этот четырехтомный труд отнюдь не как подспорье, а скорее как подножку модернизации. Становится поистине жалко отечественную молодежь, начинающую постигать философию, имея в качестве пособия такое тенденциозное и несовременное издание.

Человек – субъект действия и хозяин своего сознания

Создатель материалистической антропологии Л.Фейербах писал: «Единство бытия и мышления истинно и имеет смысл лишь тогда, когда основанием, субъектом этого единства берется человек» [17]. Вопрос об отношении мышления к бытию, по его убеждению, есть вопрос о сущности человека, ибо мыслит лишь человек. Следовательно, продолжает он, философия, поскольку она решает вопрос об отношении мышления к бытию, должна быть антропологией, т.е. учением о человеке, в существовании, в

деятельности которого этот вопрос находит свое фактическое, реальное разрешение. Развитие этой идеи нашло продолжение в концепции «антропологического принципа» русского мыслителя и публициста А.Н.Чернышевского и, позднее, в работах известного советского психолога академика С.Л.Рубинштейна: «Человек выступает... как субъект действия и сознательное существо, прежде всего как реальное, материальное, практическое существо» [18].

К сходным выводам пришла в ходе своих философских исследований целая плеяда отечественных авторов советского периода: Украинцев Б.С., Губанов Н.И., Петрушенко Л.А., Чусовитин А.Г., Акулов В.Л., Готт В.С., Землянский Ф.М., и др. Работы этих авторов сегодня совершенно незаслуженно забыты, однако, по счастью, становятся вновь весьма актуальными в свете нарождающейся философии синтезирующего реализма. Основной рефреном их выводов является требование признать человека хозяином своего сознания, а не наоборот.

Адекватное описание ситуации человеческого бытия может быть достигнуто, если решительно ставить вопрос об особой автономии и активности индивидуума по отношению к окружающему миру. Должно быть понятно, что в основе указанных свойств должно лежать ответственное за них особое локальное природное начало, организующее и направляющее жизнь индивида наряду с воздействиями внешней природы. Другими словами, человек, как самодвижущееся и самопричиняющееся природное устройство, должен иметь свой *автономный привод* или *двигатель*. И если мы хотим серьезно разобраться в проблемах автономии и активности индивида, в особенностях его частного бытия и его субъективного внутреннего мира, нам необходимо вычленив и четко определить это начало.

Синтезирующий реализм, как уже упоминалось выше, позволяет сегодня философской антропологии полноценно опираться на прочные причинные и онтологические основания. Лежащий в основе этого учения *кольцевой детерминизм* [19] предусматривает возможность существования особых внутренних причин и целей у каждого живого организма, в том числе и человеческого. Организм – сам себе хозяин, имеющий в своих недрах в целях эффективного управления некий руководящий центр, не совпадающий с сознанием. И именно организм, поэтому, следует признать субъектом любой деятельности в наиболее общем случае и общезначимом философском смысле. Противопоставление человека-субъекта природным предметам, играющим во взаимодействии с ним роль объектов, встает, таким образом, на рельсы материальных взаимоотношений, понятных всем, а не только философам-гуманитариям. Взаимодействуют материальные системы по известным физическим законам. Таким образом, ситуация противостояния субъекта и объекта в этом случае допускает вполне высокий уровень формализации описаний и исследований. Философия обретает здесь строгие черты науки.

Если мы отказываемся признать сознание командиром корабля под названием «человек», то каковы же тогда роль и позиция сознания в сложной иерархии самоуправления организма человека?

Вернемся к определению сознания в статье В.А. Лекторского в НФЭ.

«Сознание – состояние психической жизни индивида, выражающееся в субъективной переживаемости событий внешнего мира и жизни самого индивида, в отчете об этих событиях...»

Как видим, в определении сознания фигурирует индивид, как его непосредственный носитель. Несомненные наблюдаемые свойства индивида, такие, как относительная автономия функционирования и движения по отношению к окружающему миру, а также

поведенческая активность, очевидно, будет правомерным перенести и на его сознание. Таким образом, первый и наиболее очевидный этап разрешения вопроса об автономии и активности сознания по отношению к окружающему миру коренится не в каких-то туманных гуманитарных дефинициях, а в факте конкретной автономии и активности его физического носителя, то есть в материальной сфере. Философия как наука сегодня как никогда нуждается в точности определений: сознание – это не свойство некоей аморфной, размазанной по пространству и времени «высшей формы материи», это четко локализованное свойство человеческого индивида (плюс к этому, пожалуй, в расширительном толковании, свойство социальных агрегатов разного масштаба и уровня).

На самом деле имеет место очевидная для всех здравомыслящих людей заинтересованность сознания в делах своего организма-носителя, в делах индивидуума как системного целого. В подавляющем большинстве случаев сознание само идентифицирует себя со своим организмом-носителем. Это создает у некоторых иллюзию, что сознание руководит организмом. Однако на деле, будучи призвано сопровождать значительную часть важных для организма действий и событий, оно сплошь и рядом выступает в качестве подчиненного фактора: навигатора или штурмана, прокладывающего курс среди сложившихся общественных форм и норм для порой капризно выдвигаемых человеком волевых актов, желаний и хотений; мудрого визиря или услужливого импресарио - подсказчика конкретных форм для осуществления индивидуумом своей деятельности, пытающегося более или менее гармонично вписать хозяина в окружающую природную и социальную среду; в качестве усердного личного адвоката, стремящегося объяснить в рациональных категориях и придать флер законности подчас иррациональному поведению своего хозяина, выгородить его во мнении окружающих и подать в выгодном свете.

Факт значительной функциональной и онтологической подчиненности сознания системному целому организма человека слишком очевиден для всех, и потому не просто должен учитываться философией, но обязан быть адекватно и четко отражен в ее формализованных представлениях об иерархии управления в организме.

Сознание как слуга физиологии и психики

Факт подчиненности сознания нуждам своего организма-носителя, впрочем, не исчерпывает всей сложности его статуса. Еще Платон отмечал наличие «в душе каждого человека» трех начал: «разумного, аффективного и... вожделеющего» [20]. Если понимать под вожделеющим началом физиологию человека, то аффективное начало в современном прочтении, очевидно, подразумевает психику. Поскольку физиология занимает значительное место в жизни организма, следует признать, что сознание принимает живейшее участие и в обеспечении функционирования его «животной» составляющей, включено в механизм удовлетворения физиологических потребностей. Как ни противно это признавать для людей «высокой духовности», нашим системным целым, его функционированием, поведением и сознанием в значительной степени движут простейшие «физиологизмы». Это просто надо уметь видеть даже за сверхизошренными, искусно оформленными и обставленными нашим сознанием вариантами их удовлетворения. В этом случае, надо честно признать, физиология выступает полноправным *субъектом* деятельности человека.

Наряду с физиологией также весьма значительное место в жизни организма человека занимает психика. Как отдельные психические акты и процессы, так и непрерывное психическое сопровождение человеческой деятельности оказывают серьезное корректирующее и направляющее влияние на функционирование и поведение индивида.

Выделение Платоном психики в качестве одного из важнейших отдельных движущих человеком начал следует признать вполне оправданным.

Таким образом, в функционировании человеческого организма вполне четко разделяются физиологические и психические проявления и процессы. Зачастую цели физиологического и психического начал не совпадают, тогда имеет место их противоборство и итоговое подавление одного другим. Нередкими примерами того, как сложные психические мотивы берут в поступках человека верх над примитивными физиологическими, просто изобилует мировая культура.

Если не ограничиваться, по примеру наших уважаемых философов, чисто художественным размазыванием гуманитарных оттенков, и использовать научную методологию, следует ставить вопрос о четком разделении в функционировании этих сфер и такой же четкой их отдельной локализации в материальном субстрате организма человека. Закономерно приходим к заключению об определенной автономии и активности по отношению к остальной части организма человека его нервной и нейро-гуморальной систем, которые ответственны за психические явления и, по сути, в сумме представляют собой материальный носитель психики человека. Проблема в этом случае опять переносится в понятную для всех и поддающуюся строгой формализации сферу материальных взаимодействий.

В тех нередких случаях, когда психическое начало берет верх над физиологическим, имеются основания вести речь о психике, как *субъекте* человеческого поведения. Таким образом, мы все дальше уходим от принятой у нас до сих пор примитивной трактовки субъекта. Приходится в очередной раз констатировать, что вся эта непростая ситуация может быть вполне адекватно описана и объяснена лишь с позиций *синтезирующего реализма*, который предусматривает факт относительной автономии и взаимной активности двух акцентированных начал.

Сознание, работающее, как мы установили выше, на целостный организм, в ситуации разделения последнего на две эти крупные составляющие, закономерно становится «слугой двух господ», двух разных потенциальных *субъектов* человеческого функционирования. Оно вынуждено потакать обоим началам, заботиться о поиске форм удовлетворения как физиологических, так и психических потребностей. В частности, во втором случае оно работает на обеспечение психического комфорта, получение удовольствий психического характера, избегание психических страданий и издержек. Для этого оно творит дизайн, культуру, искусство, развивает индустрию развлечений и игр, занимается психиатрией и психоанализом.

В господствовавших донныне условиях отсутствия четкости в интерпретации рассматриваемой ситуации у философов зачастую возникает соблазн приписать сознанию несвойственные ему функции и качества других компонентов организма человека. Уже упоминалось о попытках признать сознание управляющим центром «Я». В этом же ряду стоят стремления приравнять сознание ко всему внутреннему миру человека, ко всей субъективной реальности. В этой же статье В.А. Лекторского имеет место попытка свести к сознанию единство «всех компонентов внешнего и внутреннего опыта в данный момент времени». Здесь, на самом деле, налицо выход за пределы собственно мира сознания и вероломное вторжение в сферу эмпирического мира с лихим заимствованием элементов последнего. Впрочем, как мы уже отмечали, такое «стирание граней» вполне объяснимо для «пропустивших» эпоху интенсивных исследований мира опыта.

Ряд философов, близких к феноменологии, считает специфическим свойством сознания интенциональность, направленность на определенный предмет, объект. Однако следует обратить внимание на то, что подобная заинтересованная направленность сознания – это фактор, лишь сопутствующий углубляющемуся *освоению* предмета, осуществляемому всем организмом человека. Здесь стоит прислушаться к С.Л. Рубинштейну: «...Идея, образ, а значит, и вообще, сознание, мышление не могут быть приняты в качестве самостоятельного члена гносеологического отношения. За отношением идеи, образа и вещи, сознания или познания и бытия стоит другое отношение – человека, в познавательной деятельности которого только и возникает образ, идея, и бытия, которое он познает» [21].

В самом деле, в направленных действиях этого рода принимают участие, помимо сознания, еще и физиология с психикой. Изначально любому заинтересованному действию с предметом предшествует возникновение потребности в нем, коренящейся на более глубинном физиологическом или психическом уровне. Непосредственным организатором интенциональности выступает все-таки Я – управляющий центр организма. Именно он задает вектор вбирающему потоку, процессу освоения интересующего предмета, определяет сектор внимания. Сознанию же достается роль секретаря-подсказчика конкретных форм и условий взаимодействия с заинтересовавшим объектом.

Можно привести массу прочих примеров попыток приписывания сознанию разнообразных несвойственных ему качеств и функций психики. Сегодня неразбериха в этом вопросе необыкновенно разрослась и откровенно мешает достижению взаимопонимания между учеными разных школ. Проблема отделения-очищения качеств и функций собственно сознания от свойств прочих факторов организма человека, напомним, может быть эффективно решена лишь в рамках синтезирующего реализма, вносящего здесь необходимые ясность и точность в определение границ.

Сознание как особая реальность

Наблюдения психологов показывают, что в поведении детей в раннем возрасте отсутствует вклад механизмов пока не развившегося сознания, и потому превалируют «досознательные» мотивы, физиологические и психические, сродни ситуации с животными, обладающими психикой. В дальнейшем развивающийся ребенок все в большей степени демонстрирует в своем поведении признаки наличия *разума*. Вместе с тем происходит и переход от «нерефлексирующего субъекта» [22] к вполне четко отделяющему объективный мир от субъективного образа этого мира. Известный советский психолог Д.А.Леонтьев писал, что, несмотря на факт обусловленности сознания, как и человеческой психики вообще, потребностно-мотивационными структурами и в этом смысле его пристрастности, важно отметить, что в отличие от психики животных, обладающий сознанием человек способен на отражение и таких свойств реальности, которые могут противоречить его желаниям и влечениям (нравится мне это или нет, но такова истина; мир ужасен, но таковы его законы и т.п.) [Там же]. Человек, подчеркивал он, имеет возможность посмотреть на мир не только со своей, но и с «чужой» точки зрения, что допустимо лишь в случае обладания его сознанием некоторой самостоятельностью по отношению к психофизиологическому естеству своего носителя.

Фактически в представлениях Д.А. Леонтьева неявно подразумевалось параллельное сосуществование двух относительно независимых миров, мира природы и мира сознания,

оперирующих, соответственно, материальными предметами и их идеальными субъективными образами. Понятно, что полноценно озвучить свой фактический *дуализм* Леонтьев в те времена тотального господства *монизма* не мог, поэтому его концепция так и осталась не до конца философски оформленной.

В продолжение линии этого недооформленного дуализма выступил в 1962 году Э.В. Ильенков со своим знаменитым определением сознания как «субъективного образа объективного мира» в статье, написанной для философской энциклопедии [23]. Серьезное развитие этого определения грозило обнажением его дуалистических корней с последующими неизбежными репрессиями, поэтому ситуацию не стали обострять, и определение так и «зависло» на долгие времена отдельным бельмом на глазу отечественной философии. Его надо признать ярким образцом жалкого трепыхания творческой мысли в тесных тенетах идеологии того времени. Выручила этих скрытых дуалистов сложившаяся традиция рассмотрения мира сознания в качестве чего-то малозначимо-вторичного по отношению к стержню марксистской философии - материи, а также в качестве ни к чему не привязанной свалки философских отходов, допускавшей присвоение ему практически любых качеств, вызывающих споры в отношении других категорий, и приклеивание практически любых ярлыков.

Философов отнюдь не заботило, что проблемы, сваленные ими в беспорядке в мир сознания, так и остаются там нерешенными. Более того, в хаосе этой свалки они вообще теряют какие-либо шансы на разрешение. В частности, очевидно, что акцентированный в определении Ильенкова *субъективный образ* должен был бы иметь возможность формироваться на каком-то отдельном онтологическом основании, в идеале - опирающемся на особый материальный субстрат, а их-то философы, активно жонглирующие этим определением, до сих пор не только не спешат исследовать, но и очень тщательно обходят. Так и суждено было бы прозябать бедному субъективному образу на этой злосчастной свалке, если бы ни пришедший в наше время на выручку синтезирующий реализм.

Совершенно беспомощными выглядят попытки философов, толком не разобравшихся с природой сознания, постичь сущность рефлексии или самосознания. Без четкого понимания того факта, что функция самосознания может быть адекватно интерпретирована и объяснена только при условии признания особой выделенности сознания по отношению к остальным факторам организма, противопоставленности им в функционально-деятельностном, онтологическом и причинном отношениях, сделать это невозможно. Сознание, заглядывающее во внутренний мир собственного организма в попытках познать и, возможно, проконтролировать некоторые актуальные аспекты его жизни, должно с очевидностью обладать собственной автономией и активностью. Таким образом, следуя дальше по пути рационального членения человеческого бытия на естественные составляющие, неизбежно приходим к выделению в особую ипостась, отличную и отдельную от остальной психики, самого сознания индивида. Опять-таки прав оказался Платон, выделивший разумное начало в ряд основных свойств человеческой «души».

О физической локализации материального субстрата-носителя сознания известно, что он находится в области коры головного мозга и представлен там некоей сложной и замысловато распределенной схемой. Проблемная тема биофизической и функциональной автономии этого участка пока мало изучена. Однако со временем, безусловно, это белое пятно будет закрыто.

Некоторая относительная автономия мира сознания по отношению к физиологической и психической сферам позволяет ему противопоставлять их мотивам свои собственные. Доводы разума, диктуемые рациональными схемами и чувственными образами поведенческих установок, призванные более тонко и успешно вписывать индивидуума в окружающий природный и общественный мир, будучи приняты организмом, позволяют в нередких случаях вести речь о *сознании, как субъекте деятельности и познания*. Однако детальный анализ развития ситуаций в случае столкновения нескольких мотивов, среди которых имеют место и доводы сознания, приводит к выводу, что, во-первых, мотивация сознания побеждает далеко не всегда, поскольку оно участвует в споре «на общих основаниях», а, во-вторых, после акта принятия решения сознание вынуждено вставать на возобладавшие позиции победившей группы мотивов или отстаивать выработанный в итоге общего спора компромиссный вариант.

В вышеупомянутом определении сознания В.А. Лекторского в качестве важной особенности сознания рассматривается его *единство*. Со времен И.Канта с его концепциями «трансцендентального субъекта» и «единства трансцендентальной апперцепции», это не слишком большая научная подвижка.

По Канту, для возникновения *подлинного знания* необходимо, чтобы произошло соединение (синтез) чувственного созерцания с категориями рассудка. Чувственно-образное единство мира сознания, будучи наполнено дискретными логическими элементами и пронизано согласованными между собой рациональными схемами и структурами, образует, выражаясь современным языком, **единую сложную систему**.

Гуманитарии, с избытком заполонившие рубежи отечественной философии, закономерно оказываются способными в такой ситуации постичь лишь факт образного единства сознания. Что касается аппарата сложных рациональных построений, в частности, теории сложных систем, ее математического обеспечения, то подняться до этого им, к сожалению, не дано в силу иной специфики их сугубо художественного образа мышления. Отсюда – царящие у нас недооформленность, неполноценность и несовременность текущих философских представлений практически в любой сфере.

Модельный мир сознания

Пожалуй, несколько выбивается из этой общей удручающей канвы определение *образа* в той же НФЭ (И.П. Фарман) [24]. Образ здесь определяется как результат реконструкции объекта в сознании человека. Чувственные и мысленные слагаемые образа предстают, как результат абстрагирующей деятельности субъекта, способ репрезентации объекта субъекту. Образ, понятый как синтез наглядности и абстрагирования, признается результатом продуктивной деятельности воображения, создающего различные модели и конструкции и проводящего мысленные эксперименты. Отмечается зависимость объективности научного познания от адекватности образа исследуемым объектам и процессам. Функцией гносеологии провозглашается построение идеализированных схем и моделей познания.

Что ж, вполне современная прагматичная трактовка. В этом определении сознание предстает как независимое активное начало, пытающееся реконструировать слагаемые внешнего мира в некоем своем отдельном внутреннем мире, для чего творит там модели-репрезентации реальности. Здесь достаточно прозрачно подразумевается существование двух относительно независимых миров: реального природного мира и идеального мира сознания. Каждый из этих миров наполнен элементами и фрагментами своей особой природы. Реальный мир природы складывается из материальных предметов и процессов и

пронизан множеством разнообразных материальных взаимодействий. Мир сознания составлен из искусственно созданных идеальных объектов (конструктов) и схем их взаимодействия и взаимосвязи, являющихся модельными подобиями-аналогами их реальных источников.

Пора, наконец, перестать ходить вокруг да около и сделать решающий вывод, что между этими мирами имеются классические отношения **прообраза и модели**. Так что изучать вопрос взаимодействия миров следует, вооружившись всеми возможностями теории моделирования с развитым аппаратом формальной и математической логики. Это опять-таки задача не для самых рафинированных и эстетствующих гуманитариев.

Проблему «параллелизма» между природным (трансцендентным) и духовным (трансцендентальным) началами пытались решить давно. Кроме известных дуалистов эту тему активно разрабатывали Ф.Й. Шеллинг и И.Кант. Строгое философское разрешение проблема онтологической и причинной подоплеку существования относительно независимого от остальной реальности мира сознания и его особой активности получила лишь в наши дни, в рамках теории синтезирующего реализма [25].

Именно посредством активного моделирования осуществляются коммуникация и взаимная корреляция между миром сознания и окружающим миром природы.

Как мы уже признали выше, организм обладает своим автономным внутренним миром, который диктует ему свои особые внутренние цели. Над осуществлением этих целей работает *центральная нервная система*, которая призвана осуществлять ориентированное на успех *управление* всем организмом. Механизм управления при этом с необходимостью опирается на эталонную схему или **модель успешного действия**. У примитивных организмов эта модель является врожденной и предстает в виде системы безусловных рефлексов и инстинкта. Такого рода модель нельзя признать вполне надежной и гибкой. Поэтому примитивные организмы гибнут в массовых количествах. На пике природной эволюции центральной нервной системы организмов возникло сознание, как особый его отдел, отвечающий за обеспечение более надежного, тонкого и гибкого управления посредством активно *модифицируемой, непрерывно совершенствуемой* разновидности модели успешного действия. Таким образом, **основной функцией сознания**, как элемента системы управления организмом, следует признать решение *сверхзадачи - созидание и совершенствование общей целостной модели успешного действия индивидуума*.

В рамках решения этой сверхзадачи сознание вынуждено заниматься «хозяйственными» вопросами обеспечения удовлетворения множества сопутствующих прагматических мотивов, к сожалению, неоправданно игнорируемых отечественной философией, но зато хорошо изученных американской школой философского прагматизма. Поскольку организм человека представляет собой сложное образование, сплав физиологических, психических и разумных факторов, модель успешного действия должна удовлетворять целому комплексу условий. В качестве наиболее значимых задач, решаемых моделью успешного действия, следует назвать следующие: *эффективность действий, экономия усилий, достижение комфорта (физического и психического) и избегание (минимизация) вредных и опасных издержек*. **Эффективность** действий, в свою очередь, напрямую зависит от степени адекватности моделей природной реальности, от согласованности модели поведения и модели реальности, от уровня и качества развития используемых человеком орудий труда или, выражаясь технократическим языком, гаджетов. На данном этапе актуализируется роль *познания, как адекватного моделирования реальности*, в качестве, подчеркнем, одного из важнейших средств обеспечения эффективности действий.

В отличие от архаичной неоклассической позиции отечественной философии, объявляющей познание главной или даже единственной функцией сознания, в нашем случае ему определено по-настоящему заслуженное место. **Совершенствование гаджетов и технологий, экономия усилий, достижение комфорта и избегание издержек** также требуют от сознания развития и совершенствования соответствующих все более изощренных частных моделей человека, его поведения и окружающей реальности, разработки необходимых для каждой из этих сфер своих специальных материально-технических средств и технологий. В конечном итоге сознанию приходится еще и согласовывать эти разнородные модели друг с другом, и в разных ситуациях соотношение их веса или присутствия в итоговом комплексном решении может оказаться разным. В зависимости от конкретного случая отдельные мотивы могут стать доминирующими, а другими человеку приходится в той или иной степени поступаться. В этом отчасти и состоит секрет гибкости вырабатываемой в итоге общей модели успешного действия.

Итак, сознание озабочено созиданием и совершенствованием целого комплекса моделей разного уровня. Причем эти модели не противоречат друг другу, поскольку сознание, как активный трансцендентальный субъект, обеспечивает *системную целостность* своего мира. В отличие от подчиненного участия в жизни психики и физиологии, сознание является полновластной хозяйкой содержания своего собственного мира и стремится поддерживать в нем надлежащий порядок.

Познание – как модельное реконструирование реальности

Устоявшиеся наиболее достоверные, зарекомендовавшие себя на практике в качестве надежных модели принято трактовать как **знание**. Здесь мы понимаем знание в широком контексте, не только как удачные модели природной реальности, но и как удобные и полезные *конструкты*, используемые человеком во всех отмеченных выше сферах приложения усилий сознания. Это и ноу-хау при производстве разнообразных товаров и услуг, и схемы и устройства энергосбережения, эргономики, безопасности, и система здравоохранения. Речь, таким образом, идет обо всех важных и полезных для человека сферах. Принципы актуальности и полезности неизбежно становятся в таких условиях главными критериями отбора удачных моделей. Другими словами, **актуальность и полезность**, выявляемые посредством практики, являются *собой настоящий критерий истины*.

Понимание этого важного обстоятельства было характерно для С.Л. Рубинштейна: «Взаимодействие индивида с миром, его жизнь, ... практика - ...такова «онтологическая» основа, на которой формируется познавательное отношение субъекта к объективной реальности» [26]. Б.С. Украинцев обобщил эту особенность для случая любых самоуправляемых систем: «активность отображения», по его убеждению, имеет основой «активность материальных процессов отображающей системы при ее взаимодействии с внешним миром» [7, с.80]. Поэтому «процесс отображения, как правило, направлен на преимущественное воспроизведение тех особенностей действительности, которые имеют жизненно важное значение для функционирования и выживания самоуправляемой системы» [Там же, с.83].

Что касается трактовки познания как разновидности моделирования, то этому посвящено множество частных исследований, в том числе и в отечественной науке. По понятным причинам наши ученые были вынуждены вуалировать в своих работах принципиальные аспекты и выводы либо пытаться в той или иной степени неуклюже вписывать их в

прокрустово ложе установленных догм. В частности, моделирующую сущность познания им приходилось прятать в оригинальные прочтения концепций *отражения* и *отображения*.

Например, И.М. Сеченов писал о том, что «в психике объективные реальности отражаются двумя способами – по их подобию (в виде аналогов) и в виде знаков» [27]. При этом количественные параметры отображаются аналогами, а качественные – знаками [Там же, с.471-474]. По сути дела, речь шла об аналого-знаковом моделировании, разновидностью которого сегодня является широко и успешно практикуемое в технике аналого-цифровое моделирование. Наукой установлено, что за моделирование посредством знаков и образных аналогов отвечают, соответственно, левое и правое полушария головного мозга человека. Встреча и взаимная «притирка», синтез этих моделей обеспечивают успешное чувственно-рациональное регулирование человеческого поведения.

П.К. Анохин пришел к выводу, что в поведении человека в качестве детерминирующего фактора может выступать грядущий ожидаемый *результат деятельности*, воплощаемый в неких желаемых материальных преобразованиях. На основании этого он построил теорию «опережающего отражения», в которой акцентировал стремление к предвосхищению саморегулирующейся системой возможных ситуаций в будущем, планирование ею желаемых результатов с дальнейшим движением к поставленной цели [28].

Можно понять стремление автора хотя бы внешне соответствовать духу ленинской теории отражения. На деле же эта его теория с неудобоваримым названием подразумевала значительный отход от строгой ленинской трактовки. Разумеется, сам готовый будущий результат никак не может являться исходным детерминирующим фактором поведения, поскольку он его на деле венчает, порой, в итоге длинной череды или цепи событий и в причинном, и во временном аспектах. Буквальное понимание термина «опережающее отражение» приводит к нарушению принципа причинности, телега здесь забегает вперед лошади. На самом деле детерминирующим фактором в данном случае следует признать все-таки *модель* или *мысленный проект* ожидаемого (будущего) результата, а не сам готовый наступивший результат. В пользу этого говорит хотя бы тот факт, что последний достигается далеко не всегда, и зачастую не совсем в желаемом виде.

Однако Анохину пришлось (наверняка - скрепя сердце) придерживаться этого замысловатого названия из опасения быть обвиненным в идеализме: мысленный проект или модель, как продукты сознания, в те времена воинствующего материализма никак не могли быть признаны первичными по отношению к материи, практике или деятельности. Зато в роли такого первичного фактора мог выступить идеологически выдержанный, материально оформленный продукт-результат. Думается, следует отнести к автору теории с пониманием и снисхождением.

Исследуя физиологию движения организмов, Н. А. Бернштейн пришел к выводу о том, что в мозгу животного осуществляются две противоположные формы моделирования воспринимаемого мира: модель прошедше-настоящего, или ставшего, и модель предстоящего. Вторая модель непрерывно преобразуется в первую. Обе модели отличаются друг от друга тем, что первая является преимущественно однозначным отображением (воспроизведением) действительности, а вторая имеет вероятностный характер, поскольку является экстраполированием тенденций прошлых и текущих ситуаций на будущее.

Активность организма направляется противопоставлением вероятностной модели будущего и определенной задачи. Н. А. Бернштейн определяет цель как закодированную в мозгу *материальную модель потребного будущего*, которая строится в результате некоторого обобщения и продолжения накопленного опыта [29].

И здесь понятно стремление автора свести все дело к гегемонии материи, избежать обвинений в идеализме. Понятно также, что процессу создания моделей в сознании сопутствуют какие-то материальные процессы в головном мозге, в том числе и, вполне возможно, сопровождаемые каким-то кодированием сигналов. Когда мы совершаем какие-либо действия в операционном пространстве персонального компьютера, мы тоже понимаем, что при этом в недрах компьютерного «железа» происходят какие-то специфические радио- и электротехнические процессы. Однако нас, как пользователей, интересуют в большей степени виртуальные средства достижения наших виртуальных целей, работа с виртуальными моделями, и мы отрешаемся от проблематики технического обеспечения этого процесса. А между тем, следует признать принципиально важным фактом, что через посредство специальных технических схем-конструкций виртуальные объекты и их преобразования получают возможность инициировать материальные процессы в недрах компьютера, осуществляя, тем самым, его *виртуальный привод*. Так же и с модельным миром сознания: мы не задумываемся о нейрофизиологической и биофизической подоплеке его сопровождения и преобразования, поскольку все это является лишь *техническим* средством обеспечения работы сознания. Посредством особых сложных нейронных комплексов идеальные события, объекты и процессы в сознании оказываются способными запускать материальные биофизические процессы в мозге и организме человека и посредством последних осуществлять вполне материальное воздействие на предметы и процессы в окружающем природном мире. За каждой способностью к той или иной логической операции мышления стоит соответствующее состояние специальной обеспечивающей ее мозговой конструкции.

Вполне прозрачно отражение и отображение понимались именно как моделирование в предшествовавшей Философской Энциклопедии [23] (статья «Отражение», В. Тюхтин, Я. Пономарев), где акцентировались такие их качества, как адекватность, достоверность или степень точности, глубина или степень существенности. Связь этих качеств с живым субъектом познания акцентировалась Н.И. Губановым: «Взаимодействие и причинная связь между оригиналом и носителем отображения служат исходной материальной основой адекватности отражения» [30]. Смело подняться до очевидной констатации смог Л.А. Петрушенко: «Сознание упорядочивает знание и превращает его в модель действительности» [31].

Стремление мыслителей предшествующих эпох выработать представление о самом феномене познания приводило их на первых порах к простейшим схемам-моделям. Материалисты, в частности, делали следующий примитивный вывод: поскольку познание касается предмета объективной природы, направлено на него, значит, оно тоже *объективно*. Субъективисты, напротив, настаивали на *субъективности* познания, осуществляемого человеком в своих субъективных интересах. Эмпиристы концентрировали внимание на опытных и прагматических аспектах осуществления, сопровождения и коррекции процесса познания.

С появлением синтезирующего реализма, наконец, появилась возможность соединить эти три масштабные максималистские крайности в одном адекватном представлении. Теперь должно стать очевидно, что познание базируется на трех китах: субъективном конструировании, квазиобъективном (достоверном) отражении и прагматической опытной оценке, проверке и коррекции. Все это слагаемые *актуального* и

прагматически ориентированного реконструирования. Речь идет фактически о синтезе когнитивных представлений объективизма, субъективизма и эмпиризма.

Выше мы довольно подробно рассмотрели взаимоотношения модельного мира сознания с потребностями и целями организма своего носителя. Отечественные гонители индивидуализма и «робинзонад» наверняка уже довольно потирают лапки в предвкушении момента, когда можно будет излить свое ядовитое возмущение. Однако и мы вполне готовы поговорить о влиянии на сознание индивидуума социо-культурно-исторических факторов. В свете вышеизложенного должно быть очевидно, что общество, его культура и история воздействуют на мир сознания индивида не столько напрямую (на чем настаивают наши легкомысленные гуманитарии), сколько опосредованно, через воздействие на самого индивида, его организм, комплекс физиологического, психического и разумного начал.

Решение сознанием своей сверхзадачи – созидания и совершенствования целостной модели успешного действия индивидуума – подразумевает в отношении общественного окружения те же отмеченные выше аспекты, что и в отношении природного окружения. Перед ним стоит все тот же проблемный ряд: *эффективность действий, экономия усилий, достижение комфорта (физического и психического) и избегание (минимизация) вредных и опасных издержек.* Все нюансы модельного обеспечения взаимоотношений индивида и его общественного окружения гармонично вписываются в канву решения этого комплекса проблем.

Здесь на первый план выступает видовой общественный характер бытия человека и складывающийся в его недрах принцип внутриобщественного **обмена** благами и услугами. Через посредство этого принципа в сознании индивида актуализируются те модели мира и поведения, которые приводят к нужным и полезным результатам (хотя бы потенциально) для той части общества, на которую этот индивид работает и на вознаграждение от которой, то есть опосредованное получение благ и услуг, он рассчитывает.

Основу ситуации составляет взаимодействие двух активных материальных начал, двух материальных субъектов, обладающих сознанием: индивида и общества. Что касается сознания последнего, есть основания признать за него некое суммарное агрегатное идеальное образование, формирующееся на базе совокупности сознаний группы или иной социальной общности в итоге непрерывного обмена мнениями и модельными представлениями. Взаимодействие сознаний индивида и общества, осуществляемое в рамках более широкого взаимодействия их носителей, подразумевает, как и в случае любого взаимодействия, два встречных воздействующих потока, обеспечивающих взаимное подчинение и приспособление. Соответственно, сознание индивида открывается для восприятия модельного ряда, отражающего комплекс принятых в обществе исторических бытовых устоев, традиций и норм. Усвоив их, индивид вписывается в культуру общественного бытия. Но, с другой стороны, стремясь в соответствии с собственной моделью-установкой получить нечто от общества или воплотить в нем какое-то свое конкретное представление, человек изыскивает-изобретает необходимые модели-рычаги воздействия на него, на основе которых предпринимает конкретные практические шаги.

Через посредство складывающегося в итоге взаимодействия индивид и общество могут опосредованно влиять на сознание друг друга, так сказать, *делом*. Кроме того, сознания могут осуществлять и непосредственный обмен мнениями, идеями и модельными представлениями посредством языка. Это составляет основу возможности ведения споров

и дискуссий, в том числе научных, и взаимного влияния *словом*. Разумеется, обмен этот носит заинтересованный характер и несет на себе печать известной подчиненности сознания природному естеству своего носителя. Поэтому порой так сложно определить, насколько он диктуется разумным началом, а насколько отражает нюансы взаимоотношений иных человеческих начал.

Непосредственное восприятие сознанием человека предлагаемых обществом мнений, идей и моделей-представлений протекает тоже вовсе не автоматически, как наивно полагают наши гуманитарии. На самом деле индивидуум пропускает все это через фильтр своего сознания. Можно согласиться с тем, что значительную часть материала он берет на веру (разумеется, под свою ответственность), однако принципиально важные для него моменты активно обрабатываются его сознанием и по их поводу вырабатывается собственная точка зрения. В отношении одного ряда моментов им может быть принята позиция полного принятия, в отношении другого – частичного, а в отношении третьего может возобладать скептическая и негативная позиция. Таким образом, даже хорошо вписанный в цивилизацию и культурную эпоху индивид сохраняет исключительность своего индивидуального сознания.

В итоге всего этого комплекса взаимодействий сознание индивида трансформируется и приобретает окультуренный цивилизованный вид. В случае успеха активного влияния со стороны индивида общественное сознание тоже может изменяться. Разумеется, разные личности достигают разной величины успеха в деле такого рода изменений. У рядовых граждан и знаменитостей здесь разные шансы.

Выше уже было отмечено, что мир сознания представляет собой единую сложную систему. Единые сложные системы представляют собой также формируемые сознанием модели предметов и прочих природных образований, обладающих свойствами или хотя бы чертами сложных систем. Реконструируя систему в мире сознания в связи с тем или иным системным образованием в природном мире, сознание, во-первых, решает задачу взаимного сопоставления множества элементов в том и другом мирах. Во-вторых, решается задача взаимного сопоставления системных структур в сознании и реальности, причем как квазистатических, так и динамических, в частности, причинной схемы-модели сознания со структурами детерминистических связей реальности. *Причинность* при этом, в отличие от мутных толкований гуманитариев, трактуется вполне очевидно, как модельное представление сознания о реальном *детерминизме*.

Из принципа противопоставления единого мира сознания единому вмещающему человека миру выводим стратегическую необходимость создания единой целостной спекулятивной философии, как наиболее общей модели реальности. Это сверхзадача философии, выполнение которой сегодня, в эпоху разгула эмпиризма, к сожалению, серьезно приостановилось. Однако можно констатировать благоприятную в целом обстановку для возобновления этого важнейшего дела в ближайшем будущем, поскольку эпоха постмодернизма, отметая старые примитивные спекулятивные модели реальности, объективно расчищает почву для новых, более совершенных моделей и подготавливает для их созидания плодородную почву из серьезно обогащенного эмпирического материала.

Итак, подведем итоги нашего небольшого исследования. Интерпретация сознания, предлагаемая сегодня нашей философией, не выдерживает никакой критики. Сознание предстает в виде бессвязного набора туманных характеристик, не связанных с реальностью человеческой жизни. Вместо науки – какой-то детский лепет и каша-размазня. Приходится с досадой признать, что философия у нас зашла в такой тупик, что

не в состоянии полноценно решать даже чисто теоретические философские проблемы, не говоря уже о задачах методологической поддержки и сопровождения научно-технического прогресса. И это в то время, когда игнорируемый ею синтезирующий реализм выстраивает по этому поводу и многим другим вполне четкую систему представлений [32], [33].

В процессе анализа ситуации выявлен весьма значительный нездоровый крен отечественной философской мысли в гуманитарную сферу, что способствует концентрации внимания общественности практически исключительно на чувственно-художественных аспектах действительности, но не позволяет при этом вырабатывать в должной мере четко-рациональные представления и осуществлять впоследствии чувственно-рациональный синтез конструктивного знания. Познание, лишенное потенциала выхода за пределы одних только чувственных переживаний, не может быть полноценно оформлено и обречено поэтому бесконечно и бесполезно вариться в собственном соку. Все это вкупе с неэффективной организацией развития философской мысли в стране порождает удручающие стагнационные явления.

Далее, низкий в целом уровень формализации представлений в подавляющем большинстве философских исследований приводит к тому, что философская общественность демонстрирует неспособность воспринимать здоровые работы, в которых такая формализация присутствует, и потому просто обходит их вниманием. Так, в частности обстоит дело с вышеупомянутой теорией синтезирующего реализма, в рамках которой значительная часть важных философских проблем получила строго формализованное и гармоничное решение.

Свидетельством нездоровой закрытости и отсталости наших высших философских эшелонов может являться также весьма слабая востребованность в их среде современных средств коммуникации, в частности, Интернета. Соответственно, практически весь растущий поток современных исследований философской интернет-среды для них просто не существует!

Небезосновательными приходится считать, в этой связи, мысли о бесполезности отечественной философии в ее нынешнем текущем виде и состоянии не только для дела модернизации страны, но и, пожалуй, для решения любых сколько-нибудь значимых практических вопросов жизни человека и общества. Философия у нас процветает не как общественно значимая наука, а, скорее, как высокое искусство для избранных, как изысканная интеллектуальная пища-амброзия для особого рода гурманов. Впрочем, в наше относительно либеральное время философы сами вправе решать, какой философией им заниматься. Но, с другой стороны, и общество тоже вправе определиться, какая философия для него важна и полезна. По нашему убеждению, знаменем предстоящей эпохи в развитии философии должна стать активная и масштабная формализация накопленного за всю историю и, особенно, за последний период эмпирического знания.

Литература:

1. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Предс. научно-ред. совета В. С. Степин. М.: Мысль, 2010, Т.3
2. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Полн. собр. соч., Т. 18., М.,1963
3. См. Колмогоров А.Н. Предисловие к русскому изданию./ У. Росс Эшби. Введение в кибернетику. М, 1959, С. 7.

4. Украинцев Б. С. Категории «активность» и «цель» в свете основных понятий кибернетики./ «Вопросы философии», 1967, № 5
5. Украинцев Б. С. Процессы самоуправления и причинность./ «Вопросы философии», 1968, № 4.
6. Украинцев Б. С. Особенности самоуправляемых систем. М.1970
7. Украинцев Б. С. Проблема активности отображения./ Вопросы философии.1972, №11
8. Украинцев Б. С. Самоуправляемые системы и причинность. М.1972. (Электронный Интернет- вариант: <http://www.pseudology.org/science/SamoSysPrichinnost.htm>)
9. Фролов И. Т. Детерминизм и телеология./ «Вопросы философии», 1958, № 2
10. Фролов И. Т. О причинности и целесообразности в живой природе. М., 1961
11. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980
12. Калмыков Р.Б. Синтезирующий реализм: системное единение философского знания. Электронный Интернет- ресурс <http://www.globalfolio.net/main/CMpro-v-p-336.phtml>
13. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., Наука, 1997.
14. Анохин П. К. Проблемы центра и периферии. Горький, 1935.
15. Анохин П. К. Физиология и кибернетика./ «Вопросы философии», 1957, № 4
16. Бернштейн Н. А. Пути и задачи физиологии активности./ «Вопросы философии», 1961, № 6, С. 86.
17. Фейербах Л. Избр. филос. произв. в двух т., Т.1., М., 1955, С.199
18. Рубинштейн С.Л. Человек и мир./ «Вопросы философии». 1969, №8, С.129
19. Калмыков Р.Б. Кольцевой детерминизм – ключ к решению проблем научного материализма. Электронный Интернет-ресурс http://www.globalfolio.net/main/archive/autor/autor_z/Kalmikov_Kolcevoy_determinizm.pdf; зеркало статьи <http://www.wbabin.net/physics/kalmykov3r.pdf>
20. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979, С.169
21. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.1976, С.253
22. Леонтьев А.Н. Индивид и личность. / Психология личности в трудах отечественных психологов / Сост. и общая редакция Л. В. Куликова. СПб. : Питер, 2001. С. 39–48
23. Философская Энциклопедия. В 5-х т. М. Советская энциклопедия. Под редакцией Ф. В. Константинова. 1960—1970.
24. Новая философская энциклопедия. 2010, Т. 3.
25. Калмыков Р.Б. По обе стороны человеческого опыта./ Электронный Интернет-ресурс: Философия.ru. Библиотека философии и религии <http://filosofia.ru/76473/> от 24.12.2008
26. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.1957.С.7
27. Сеченов И.М. Избр. произв., Т.1, М.,1952,С.471
28. Анохин П. К. Опережающее отражение действительности./ «Вопросы философии», 1962, №7.
29. Бернштейн Н. А. Новые линии развития в физиологии и их соотношение с кибернетикой./ «Вопросы философии» 1962, № 8, С. 80.
30. Губанов Н.И. Чувственное отражение. М.1986, С.128.
31. Петрушенко Л.А. Самодвижение материи в свете кибернетики. М.1971,С.58.
32. Калмыков Р.Б. Причинные и онтологические основания когнитивной ситуации в свете философии «синтезирующего реализма»./ Актуальные проблемы современной когнитивной науки./ Материалы международной научно-практической конференции 16-17 октября 2008г., Иваново, 2008, С.103-106
33. Калмыков Р.Б. Синтезирующий реализм как эффективное средство решения философских проблем./ Материалы V Российского философского конгресса, т.1, секция «Онтология и метафизика», Новосибирск, 2009, С.28